

Духовные христиане и субботники

УДК 271.2-36

DOI: 10.28995/2658-4158-2019-1-12-30

Предание о «христе» Иване Суслове и его исторический контекст

Андрей Г. Берман

*Волжский филиал Московского автомобильно-дорожного
государственного технического университета (МАДИ),
Россия, Чебоксары, andber1898@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена критическому осмыслению дошедших до нас сведений об одном из основателей секты христововеров («хлыстов») Иване Тимофеевиче Суслове. Приводятся немногочисленные объективные исторические данные о Суслове. Проводится анализ хлыстовского предания об Иване Тимофеевиче, делается вывод, что этот нарратив является агиографической легендой, к которой могут быть применены методы критической агиографии. Субстратом для легенды послужили евангельские сказания. Функционально легенда была призвана утвердить в качестве культовых мест секты «хлыстов» в начале XIX века деревню Старую Костромской губернии и окрестности Сухаревой башни в Москве. Между тем сам Суслов, как свидетельствуют источники, жил в районе Донского монастыря. Приводятся сведения о Федоре Суслове, старообрядческом деятеле, привлекавшемся к следствию по делу о секте «хлыстов». Делается предположение о возможном родстве Ивана и Федора Сусловых.

Ключевые слова: секты религиозные, секта хлыстов, Иван Тимофеевич Суслов, критическая агиография

Для цитирования: Берман А.Г. Предание о «христе» Иване Суслове и его исторический контекст // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2019. № 1. С. 12–30. DOI: 10.28995/2658-4158-2019-1-12-30

The Legend of the “Christ” Ivan Suslov in the Historical Context

Andrey G. Berman

*Moscow automobile and road Construction State Technical University,
Cheboksary, Russia, andber1898@gmail.com*

Abstract. The article provides a critical interpretation of what we know about one of the founders of the Khlysty sect, Ivan Timofeevich Suslov. Reliable historical evidences about Suslov are scarce. The author analyses the Khlysty's narrative about Ivan Suslov and makes a conclusion that the narrative is an hagiographic legend to which the methods of critical hagiography can be applied. The substrate for the legend refers to the gospels. The legend refers to key religious places of the Khlysty sect at the beginning of the nineteenth century – the village Staraja, Kostroma Province, and the Sukharev Tower in Moscow.

Keywords: Religious sects, Khlysty, Ivan Timofeevich Suslov, critical hagiography

For citation: Berman AG. The legend of the “christ” Ivan Suslov in the historical context. *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*. 2019;1:12-30. DOI: 10.28995/2658-4158-2019-1-12-30

С легкой руки исследователей XIX века в литературе закрепилось устойчивое мнение о том, что одними из первых основателей секты христововеров, или хлыстов, «христами» «людей Божьих», были два лидера: Иван Суслов и Прокопий Лупкин.

В отличие от Прокопия Лупкина, биография которого более-менее документирована, в том числе и его собственными показаниями, о жизни предшественника Лупкина – Ивана Суслова – документальные сведения практически отсутствуют. Цель настоящей статьи – попытаться критически осмыслить выявленные к настоящему времени сведения об этом человеке.

Объективной исторической информацией о реальном Иване Суслове можно считать несколько упоминаний в делах первой следственной комиссии о хлыстовщине 1733–1739 годов. Так, во время допроса крестьянин вотчины Новодевичьего монастыря Семен Мелескин показал, со слов Прокопия Лупкина, «что был в Москве купецкой человек Иван Суслов и жил-де близ Донского монастыря и учение-де у него было изрядное и многие-де сборища у него бывали и слышал же-де он, Мелескин, в согласии своем [т. е. в своей

религиозной общине. – А. Б.], что согласные со оным Сусловым жили в Москве в Кудриной слободе» (1 с. 39). Из этого текста можно сделать следующие выводы: Иван Суслов жил в Москве в начале XVIII столетия около Донского монастыря, занимался торговлей, основная часть последователей Суслова локально проживала в Кудриной слободе.

Кудрина слобода издавна была местом постоянной дислокации того самого стрелецкого полка, в котором служил Лупкин (2 с. 240–244). Исходя из этого, правомерно предположить следующее: Лупкин познакомился с Сусловым во время своей военной службы, сам Суслов мог иметь отношение к службе в стрелецком войске. Ведомость о сдаче в оброк свободных стрелецких земель в Москве, найденная П.В. Сытиным, сообщает, что до 1728 года некто «кадашевец» Иван Суслов снимал три дворовых места в землях, отведенных под расположение полка Ивана Конищева (Стремянного полка), за годовую плату 1 рубль 21 копейка (3 с. 235). В 1713 году 38 дворов слободы Донского монастыря принадлежали «кадашевцам» (4), под которыми могли подразумеваться стрельцы, снимавшие по особому разрешению начальства дворовые места в Кадашевской слободе (5).

Свидетельское показание бывшего работника Суслова, крестьянина Данилы, было обнаружено и опубликовано К.Т. Сергазиной: «Тому ныне двадцать летов жил он в Москве близ Донского монастыря в доме Александра да Ивана Л[ь]вовичей Нарышкиных оброчного крестьянина Ивана Иванова сына Суслова (который после по следующему делу в комиссии показан богопротивных сборищ лжеучитель) и тому лет с тринадцать умре [т. е. около 1720 года. – К. С.] и погребен в Ивановском монастыре, и торговал от него в масляном ряду, а что оный Суслов был противного согласия лжеучитель, того-де он, Данило, не знал и ни от кого о том не слыхивал и его, Данилу, тот Суслов и никто расколу и никакому злодеянию не учил» (6 с. 113, 7 с. 125–126).

Есть упоминание о Суслове в сочинении известного публициста петровского времени И. Посошкова «Зерцало очевидное»: «Мнози бо быша и при Христе антихристи и ныне в вас есть нареченные христы, якоже и Иван Суслов и инии такие» (8 с. 43).

На этом, собственно, свидетельства современников о жизни Ивана Суслова заканчиваются. Других материалов до настоящего времени выявить не удалось.

За исключением вышеприведенных источников, все остальные подробности о жизни Суслова сводятся к хлыстовским преданиям, записанным следователями в 1840-х годах со слов удельного кре-

стьянина Симбирского уезда села Тиньковки Кузьмы Волосникова (9 с. 67). Эти предания послужили основой для попыток реконструкции биографии Ивана Суслова в сочинениях И. Добро-творского (10 с. 8–14), П.И. Мельникова (11 с. 272–278) и других. В наиболее полном виде они были опубликованы И.Г. Айвазовым.

Для предметного анализа данного текста я считаю необходимым привести его полностью:

«Рождение Иисуса Христа под именем Ивана Тимофеевича. При царе Алексее Михайловиче, Муромского уезда, Стародубской волости, в деревне Максаковой, близ села Зяблицкого погоста (40 верст от города Мурома), жили столетние старики, по прозванию Сусловы, благочестивой жизни муж и жена, крестьяне помещика Нарышкина, управитель в то время был Василий Потапов. Как вдруг неожиданно столетняя старушка, сделавшись беременною, наконец родила сына, который шесть недель был не крещен, потому что священник села Погоста, церкви нового Иерусалима, будучи до крайности изумлен таковым рождением младенца, никак не соглашался его крестить, и никто из соседей не хотел быть восприемником младенца. Бедный старик Тимофей исходил все окрестные селения, искал кумовьев и, не находя их, с горем уже возвращался в дом свой, как внезапно на распутье завидел из далека идущую к нему навстречу толпу людей, начал им кланяться и просить быть крестными отцами новорожденному. Услыша сие, все начали смеяться; но один из них, по-видимому весьма уважаемый, вызвался окрестить новорожденного, приказав старику принести младенца в церковь села Погоста и, придя туда, сам окрестил его младенца, нарек имя Иоанн; священник же, бывший в сие время в церкви, обеспамятствовал, ничего не помнил и не видел, что в церкви происходило, а придя в чувство, очутился под лавкою на паперти. Таким образом думают, что исполнился ветхий завет: «Некий человек бысть послан от Бога, имя ему Иоанн». Новорожденный мальчик, называвшийся Иваном, по отце Тимофеевичем, воспитывался у своих родителей до 30-ти лет, обрабатывал землю и помогал им в домашнем хозяйстве, а когда они померли, то он перешел на жительство (не имея еще Божества) в деревню Михайлицы, близ села Погоста, недалеко от реки Оки в приходе Егорьевском, в котором тогда было семь священников, из коих только один поклонился, прочие его не poznали, ибо хотя он был свят, но суд Божий препоручен ему еще не был.

Когда Ивану Тимофеевичу исполнилось 33 года, то он был позван верховным гостем Данилом Филипповичем Костромской губернии в деревню Старую, в приходе села Красного, который и дал

ему Божество в своем доме, и по ныне называемом «Домом Божиим». Оттуда Иван Тимофеевич вместе с Данилом Филипповичем три ночи сряду возносился на небо при свидетелях. С тех пор учреждена в России небывалая полиция по городам по Священному глаголу: «Скликашася небесное с земным».

Иисус Христос, а в мире названный Иван Тимофеевич, получив божество от Бога-Отца Данилы Филипповича, возвратился в прежнее свое жилище – Владимирской губернии Муромского уезда в деревню Михалицы и, основав здесь свое пребывание, стал тайно проповедовать учение Данилы Филипповича и набирать людей в свое согласие. Построив дом, учредил в оном моление, ознаменовал в оном себя разными чудесами, помогал бедным и сирым. Вместе с ним в доме жила девица, называемая дочерью, Богом избранною, и три ее родные брата: Иван Иванович, Феодор Иванович и Семен Иванович – ученики его; и когда слава о его чудесах и богатой жизни и о том, что он много к себе привлекает народу, дошла до Москвы, священник и диакон села Варежева и донесли на него, то, по приказу царя Алексея Михайловича, Иван Тимофеевич с 40 человеками его учеников был внезапно взят в темницу в помянутом селе Погосте, где учеников его всех наказывали плетью, хотели выведать, в чем заключается его учение, но ни в чем не успели и дали наконец одному Ивану Тимофеевичу столько в сложности ударов плетью, сколько дано всем его ученикам, и он остался жив; та гора в селе Погосте у церкви Св. Троицы, где их наказывали, с того времени названа гора Голионская [вероятно, с аллюзией на Елеонскую. – *Прим. ред.*], по их понятию, потому что наказывали их голых, потому же празднуется и день 40 мучеников, ибо в сей день происходило наказание.

Когда в селе Погосте не узнали, в чем именно заключается учение Ивана Тимофеевича, то, по повелению царя Алексея Михайловича, всех их за строгим караулом в кандалах доставили в Москву, посадили в темницу и отдали под суд. Все они, по повелению царя, были допрашиваемы сперва патриархом Никоном, который, отпустив учеников, задержал в темнице только одного Ивана Тимофеевича и, потеряв всякую надежду и терпение узнать от него что-либо до их учения, отказался от одного и донес о том царю, и царь Алексей Михайлович препоручил допросить Ивана Тимофеевича боярину Морозову. Но, когда якобы он понял божество Ивана Тимофеевича, под предлогом болезни от следствия отказался, то царь назначил боярина князя Одоевского с строгим повелением – непременно выпытать от Ивана Тимофеевича все его ложное учение.

Боярин князь Одоевский тотчас переместил Ивана Тимофеевича в темницу на житном дворе и начал допрашивать его пытками на

Житном Дворе: жег его на малом огне, повесив на железный прут, потом жег на больших кострах, но ничего не узнал и сжечь не мог его. В сие время явился на Житном дворе образ Благовещения Божией Матери (ныне внизу, за Тайницкими воротами находящийся) и потому место сие у духовных братьев и сестер в большом уважении. Пытали также Ивана Тимофеевича на Лобном месте, и, наконец, распяли на стене у Спасских ворот, идя в Кремль по левой стороне, где ныне часовня. Место сие в большом у хлыстов уважении. Когда Иван Тимофеевич, будучи распят, испустил дух по божественной воле своей, – то снят со стены сторожами и похоронен на Лобном месте в могиле со сводами. Погребение было в пятницу, а в субботу, на воскресенье, как только начался благовест в Кремле, в Успенском Соборе, то он воскрес, будто бы при свидетеле – Онисиме Григорьевиче, старике, в то время жившем, и явился на Пахре в деревне Шестово, тайно, к преданным ему ученикам его, где снова был взят, предан жестоким пыткам и снова распят на том же месте, но снова воскрес также, и, получив несравненно более прежнего веры, тайно в разных местах преподавал свое учение, называл себя Богочеловеком, а всеми прочими называем был «Стародубским Христом Спасителем», распятым на кресте и претерпевшим разные муки для спасения ему вверенных, ознаменовав себя разными чудесами.

Сей Божественный учитель в третий раз был открыт правительством и, по повелению царя Алексея Михайловича, был взят в темницу под строжайший караул и на жестокое смертное наказание. Но [как] в сие время родился у царя Алексея Михайловича сын Петр Алексеевич, первый император, то Иван Тимофеевич был прощен и отпущен на волю без всякого нового наказания. Ибо какая-то старлица предсказала, что царица только тогда разрешится благополучно от бремени, когда преступники из темницы выпущены будут, – что и было немедленно исполнено.

С сего времени, т. е. с рождения императора Петра Алексеевича, Иван Тимофеевич стал явно жить в Москве с прежними своими товарищами под именем темного богатыня Ивана Тимофеевича Суслова, имея свой дом в 3-й Мещанской, называемой тогда, а ныне – большим Иерусалимом. Теперь на сем месте дом Егора Васильева и Анны Егоровой, взятых в моленной вместе с прочими у Марьи Петровой. Место сие и до днесь в большом уважении, а колодезь на дворе почитается святым и вода в нем святою, целительною. В сем доме он жил 30 лет спокойно и преподавал учение свое по-прежнему тайно, но уже сии 30 лет гоним не был.

Когда же превышний Бог – гость богатый Данило Филиппович – прибыл из деревни Старой на 100 году в Москву, в дом

возлюбленного сына своего Ивана Тимофеевича, и вознесся небо при свидетелях в день Св. Василия, то начали считать же и Новый год с сего времени, а Ивана Тимофеевича снова стали преследовать. Он был выгнан правительством из дома и 15 лет скитался кое-где тайно: скрывался у двоих единомыслящих. Когда гонение поутихло, то Иван Тимофеевич, снова построив маленький дом против прежнего своего дома, на том месте, где теперь дом Марьи Петровой Борисовой, т. е. там, где мы были взяты – где, прожив один только год, скончался плотию на 100 же году в день Св. Тихона.

Показав пример всего терпения и благочестия на земле, он, хотя и был воплощенный Сын Божий, но тело его похоронено в церкви Св. Николы в Грачах, откуда он вознесся в славе своей при свидетелях для соединения с Отцем своим, – богатым гостем Даниилом Тимофеевичем [Филипповичем? – А. Б.]» (12 с. 59–63).

Как говорилось выше, авторы XIX столетия пытались прямолинейно реконструировать биографию Суслова исходя из данных, приведенных в предании. На мой взгляд, такие попытки выглядят не слишком удачными в силу специфики самого текста. Эта специфика состоит в том, что по своему функциональному назначению предание не является биографическим документом, а является нарративом, который повествует об основателях религиозной общины, которых последователи считали святыми или даже обожествленными людьми. Другими словами, этот нарратив функционально связан с культовой практикой христововеров, его появление является следствием бытования хлыстовского культа и служит для обоснования данной религиозной практики. Отдельные части предания многократно воспроизводятся в хлыстовских «литургических» текстах (ропсвцах), само предание пересказывалось на молитвенных собраниях христововеров. Это позволяет охарактеризовать текст предания как агиографический документ со всеми вытекающими из этого характерными особенностями.

Исследованиями агиографических текстов занимается специальная дисциплина – критическая агиография, которая формулирует методологические принципы изучения подобных нарративов. Вкратце эти принципы, из числа тех, что могут быть важны для историка, можно представить в следующем виде:

- агиографический документ существует там, где есть культ, и в целях этого культа (13 с. 43);
- агиографический документ несет идеологическую нагрузку, «слагается на злобу дня» (13 с. 50);

- агиография имеет «агиографический субстрат» – систему гиперссылок и цитат из других текстов, которые образуют структурный скелет агиографического нарратива (13 с. 56);
- агиографический документ имеет своеобразную структуру пространства и времени, которая призвана зафиксировать центральное место культа и значимое культовое время (13 с. 72). Реальная историческая география и хронология при этом могут играть, а могут и не играть первостепенную роль.

Анализируя текст предания с точки зрения критической агиографии, я прежде всего хотел бы обратить внимание на то обстоятельство, что там совершенно отсутствуют какие-либо упоминания о Прокопии Лупкине или Андреяне Петрове, которые в делах Первой и Второй следственных комиссий о раскольниках фигурируют как лидеры секты. Совершенно игнорируются вообще какие-либо значимые личности, известные из дел XVIII века: Никита Сахарников, Филарет Муратин, Тихон Струков и другие. Насколько мне известно, нет о них упоминания и в хлыстовских роспевах. На мой взгляд, это можно объяснить соперничеством общин Суслова и Лупкина. И. Снегирев вскользь упоминает об этом, называя Лупкина «сначала сообщником, а потом соперником Суслова» (14 с. 324). Вполне обоснованным выглядит и предположение А. Панченко о том, что предание о «чудесном рождении и страданиях Ивана Тимофеевича стало своеобразным ответом хлыстовщины на появление устойчивой идеологии и легендарной традиции скопчества». По мнению исследователя, угроза экспансии скопчества стала побудительным мотивом к созданию собственных преданий о Даниле Филипповиче и Иване Тимофеевиче московскими хлыстами (15 с. 191).

Если говорить об агиографическом субстрате, то, очевидно, образцом для составления предания о рождении и крещении Суслова послужили несколько евангельских сюжетов. Рассказ о рождении Суслова восходит к истории рождения Иоанна Крестителя от престарелых Захарии и Елизаветы из Евангелия от Луки (Лк 1), причем слова Елизаветы о том, что Бог снял с нее людские насмешки (Лк 1: 25), переосмыслены в смысле насмешек со стороны односельчан над столетними стариками, вдруг ставшими родителями. Исходя из истории с рождением Суслова, можно сделать вывод, что он родился или праздновал именины в одну из календарных памятей Иоанна Предтечи, скорее всего 24 июня по старому стилю, когда празднуется Рождество Иоанна Крестителя. Это предположение подтверждается помещенным ниже текстом: «Некий человек бысть послан от Бога, имя ему Иоанн», кото-

рый является цитатой из Евангелия от Иоанна, которая говорит об Иоанне Крестителе. Собственно, вся история с насмешками и отказом священника крестить младенца Суслова служит всего лишь своеобразным «швом», позволяющим без разрыва сюжетной канвы перейти к встрече с загадочным стариком, который крестит маленького Суслова. Источник сюжета о встрече со стариком – евангельский рассказ о Симеоне Богоприимце. Своеобразно переосмысливается и евангельский пассаж об онемении отца Иоанна Предтечи – священника Захарии: в предании священник церкви Зяблицкого погоста теряет память и оказывается под лавкой на паперти. Таким образом, в предании о рождении и крещении Суслова происходит контаминация образов Иисуса и Иоанна Крестителя в лице Ивана Тимофеевича, что, на мой взгляд, объясняется датой именин хлыстовского «христа».

Схема наложения евангельских событий на жизнь Ивана Суслова в целом выдерживается во всем предании: как и евангельский Иисус, Суслов до 30 лет живет с родителями, в 33 года получает божество от Данилы Филипповича, что является реминисценцией на евангельское повествование о крещении Иисуса, собирает учеников, странствует, претерпевает страдания, его распинают несколько раз, и несколько раз он воскресает и, наконец, умирает в Москве и возносится на небо своей душой. Характерно, что с богословской точки зрения представления хлыстов о смерти и вознесении Иисуса являются скорее мусульманскими, нежели христианскими. Однако в этом нет ничего удивительного, если иметь в виду, что хлысты воспринимали христианское богословие, скорее всего, на слух, через литургические тексты. Например, тропарь «Во гробе плотски, во аде же с душею яко Бог, в раи же со разбойником и на престоле был еси со Отцем и Духом» вполне может быть истолкован в том смысле, что Иисус вознесся на небо душой, а тело осталось на земле. С другой стороны, тот факт, что Суслов действительно умер и тело его было похоронено в могиле, требовал рационального объяснения.

В предании говорится о многократном распятии и воскресении Суслова. На мой взгляд, этот прием позволяет усилить значение Суслова как религиозного лидера и по сравнению с евангельским Христом, и, что важнее, по сравнению с другими сектантскими вождями, в частности с Лупкиным. Об этом простодушно сообщает и само предание: «Снова воскрес, также, и, получив несравненно более прежнего веры, тайно в разных местах преподавал свое учение, называл себя Богочеловеком». Кстати сказать, в одном из дел, хранящихся в Государственном историческом архиве Чувашской

Республики (ГИА ЧР), Волосников приводит несколько иной вариант событий, где вместо Суслова на стене был распят Данила Филиппович (если, конечно, следователь все правильно записал): «Секта под названием Хлыстовщина существует, по изустному преданию предков, исполняющих эту секту, со времени царствования государя нашего, блаженной памяти, Алексея Михайловича, с которого года, неизвестно. Будто бы в то время господь наш Иисус Христос сошел с неба Муромского уезда Стародубской волости на гору, именуемую Городину, после сего явился пред народом Костромской губернии и уезда в деревне Старой, в виде тамошнего крестьянина Данилы Филипова, отданного в солдаты (что и названо вторым сошествием Господа), которому веруют все исполняющие секту Хлыстовщину, и почитатели его слушали повествования и увещания. Но, по повелению царя Алексея Михайловича, был гоним и с верующими в него, наконец, князем Одоевским распят в столичном городе Москве на стенах Спасской Башни. В память какового события приверженные к сшедшему с неба ходят на гору Городину и в Москву для поклонения» (16 л. 18–18 об.).

Теперь попытаемся выяснить вопрос о том, в интересах каких культовых мест появилось предание об Иване Суслове. Если рассматривать это предание вместе с рассказом о Даниле Филипповиче, то, очевидно, оно призвано идеологически оправдать культовое значение села Криушина Костромской губернии, где была могила Данилы Филипповича, и, что еще важнее, деревни Старой, где проживали потомки Данилы. Задачей предания о Суслове было утвердить в качестве второго культового центра секты дом мещанки Борисовой и вообще весь район вокруг Сухаревой башни. Как известно из приведенных выше отрывков из следственных дел, Суслов жил в районе Донского монастыря, а в районе Сухаревки была резиденция другого «христа» – Андреяна Петрова. На это обстоятельство обратил внимание еще Н. Реутский: «С течением времени память о действительных личностях Андреяна Петрова и его пророков утратилась, но память о великих беседах и ликованиях, незыблемой святости этих домов и мученичестве их хозяев сохранялась твердо и с течением времени принимала сказочный, легендарный характер. Около этих домов сгруппировались те легенды и предания, о которых упоминается в начале этого очерка, но в них действительно игравшие роль личности Андреяна Петрова и его пророков заменил никогда не живший в этих домах «христос» Иван Тимофеевич Суслов и его названный отец «богатый гость» Данила Филиппович. И, таким образом, твердо установилось предание,

что в этих домах пребывал сам Иван Тимофеевич Суслов и вместе с “превышним богом” “господом саваофом” Данилом Филипповичем творил свои святыя вечера» (17 с. 17).

На мой взгляд, существует и альтернативное предание об Иване Суслове, которое локализует культовый центр как раз в районе Кадашевской слободы. Речь идет о роспевце, бытовавшем у рязанских хлыстов, посвященном некоему «христу» Ивану Емельянову, который был записан и опубликован П.И. Мельниковым-Печерским:

Грозен, грозен царь Иванушка,
Грозен, грозен сын Васильевский!
Уж порол же он, порол бояр,
Уж травил же их медведями,
А не стало и в нем храбрости
Супротив царя небесного,
Свет Ивана Емельяныча.
Сходились люди божии
На святом кругу, в Кадашеве,
Сокатал на них сударь дух святой,
Взрадел с ними отец родной,
Сам отец наш, Иван Емельянович,
Сам батюшка Христос истинный,
Со двенадцатью апостолы...

Об Иване Емельянове узнал патриарх Никон (sic), который приказал схватить Емельянова и привести к царю. Далее следует спор Ивана Грозного с Емельяновым, во время которого выясняется, что Емельянов – царь небесный. Устрашенный Грозный отпускает Емельянова на все четыре стороны «с херувимами, с серафимами, со ангелы, со архангелы и со всею силою небесною» (11 с. 265–266). Упоминание Ивана Грозного дало основание А.И. Клибанову ошибочно отнести это предание к XVI веку (18), однако это упоминание не должно нас смущать: в данном случае мы имеем дело с эпическим временем, о котором будет сказано ниже. И царь Иван Грозный, и патриарх Никон в данном случае – не реальные исторические персоны, а литературные персонажи, функция которых – подчеркнуть божественность Ивана Емельянова. Не должно смущать и отчество главного героя – «Емельянович». В источниках и легендах Суслов именуется и «Ивановичем», и «Тимофеевичем». Скорее всего, подлинное отчество Суслова нам вовсе неизвестно. Однако упоминание Кадашевской слободы позволяет соотнести Ивана Емельянова именно с Сусловым.

Несмотря на достаточно вольное обращение легенды об Иване Суслове с пространственными координатами в некоторых случаях, легенда сообщает довольно точные географические описания. Это касается прежде всего места рождения Ивана Суслова – села Максакова – и места его жизни до «приобретения божества» – деревни Михалицы.

В настоящее время и село Максаково, и деревня Михалицы входят в состав Варезжского сельского поселения Павловского района Нижегородской области, расстояние между ними около 7 км. В начале XVII века оба селения входили в состав Стародубского стана, где располагалась вотчина боярина Ивана Никитича Романова, дяди будущего царя Михаила. После того как род Ивана Никитича пресекся, земли отошли к царю Алексею Михайловичу и после смерти царя Федора Алексеевича были розданы разным владельцам, в том числе село Максаково – Льву Кирилловичу Нарышкину в 1698 году (19,20).

Село Максаково принадлежало к приходу Зяблицкого погоста, который располагался примерно в полутора километрах от села. На погосте, точнее в селе Арефине, имелся девичий монастырь, о котором в писцовых книгах за 1628–1630 годы говорится, что «за боярином Иваном Никитовичем Романовым село Арефино, в нем девичий монастырь, в монастыре церковь Входа Господня в Иерусалим, да в приделе Св. страстотерпцев Бориса и Глеба <...> да другой придел Преп. Никиты, игумена Мидийского». В писцовой книге 1676 года дается описание монастыря и Входиерусалимской церкви: «В Муромском уезде Великого государя царя и Великого князя Федора Алексеевича дворцовое пашенное село Арефино, а в нем девичий монастырь, а при монастыре деревянная церковь во имя Входа Господня в Иерусалим с трапезою. Храм был богато украшен дорогими иконами в позолоте и серебре. Церковь – строение и всякая церковная утварь принадлежали боярину Ивану Никитовичу Романову и приходским людям» (19). Собственно, эта церковь и упоминается в предании под названием «церкви нового Иерусалима». К моменту записи легенды о Суслове на месте деревянной церкви была построена каменная, в 1775 году. Поскольку в монастырях по уставу не полагается крестить детей и совершать венчания, то, возможно, это обстоятельство и стало причиной отказа священника крестить новорожденного Ивана Суслова. Кроме монастырской церкви в Зяблицком погосте в то же время имелась деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы, которая в 1700–1720 годах была заменена на каменную, сохранившуюся до настоящего времени (21,20). Скорее всего именно в Троицкой церкви Суслова и крестили. Согласно

окладным книгам Рязанской епархии за 1676 год, в деревне Максак-овой числилось восемь крестьянских дворов (19).

Деревня Михалицы относилась к приходу Липовицкого погоста, который местное население называло Егорьевским. Михалицы находятся от погоста на расстоянии около километра. В писцовых книгах 1628–1630 годов говорится, что «Погост Липовецкий на реке Оке, а на Погосте церковь во имя Святого Страстотерпца Христова Георгия Победоносца. Верх данной церкви шатровый, а строение ее и вся церковная утварь – мирских людей». Согласно писцовым книгам 1676 года, в погосте Липовецком построена новая церковь, в 1657 году: «Церковь во имя Пресвятой Богородицы Казанской деревянная, верх шатром, а в церкви местных образов: образ Воскресение Христово, на нем 12 венцов серебряных, басемные, позолоченные, образ Живоначальной Троицы, прикладу – рясы позолочены, убрус полотняный, пелена крашенинная выбойчатая, образ Преображения Господня, у него семь венцов позолоченных. Образ Пресвятой Богородицы Казанской в киоте, убрус полотняный, образ Филиппа Митрополита и преподобного Пимена...» К концу XVIII века деревянная церковь Липовецкого погоста пришла в упадок. Согласно писцовым книгам 1629–1630 годов, в деревне Михалицы было шесть крестьянских дворов, а по окладным книгам Рязанской епархии за 1676 год – 11 крестьянских дворов (22,20).

Фамилия Сусловы довольно распространена в регионе, где происходили события хлыстовской легенды. Так, в середине XIX века в село Козловка Казанской губернии перебрались купцы Сусловы из села Внукова Гороховецкого уезда (23 с. 58). От деревни Михалицы до села Внукова – 27 км по прямой линии. В Мстере (около 70 км от Михалиц) имелась иконописная династия старообрядцев-поморцев Сусловых (24).

В целом о географии легенды об Иване Суслове можно сказать, что основная ее идеологическая задача – воссоздание культовой географии секты по образу Святой Земли. В этом отношении хлыстовская легенда ничем не отличается от деятельности патриарха Никона, тоже пытавшегося воссоздать Палестину в России путем постройки Новоиерусалимского монастыря. В условиях эсхатологических ожиданий, в которых пришлось жить и Никону, и сектантам-хлыстам, такая идея выглядит вполне рациональной.

Хронология хлыстовской легенды относит время жизни Суслова к царствованию Алексея Михайловича. В этом, конечно, нет ничего невозможного, однако если учесть, что Суслов умер около 1720 года, а Алексей Михайлович – в 1676 году, то значительная часть жизни Суслова (44 года) должна приходиться на совсем дру-

гие царствования (Федора Алексеевича, царевны Софьи и Петра I). Ко времени оставления патриархом Никоном престола в 1658 году Суслову должно было быть не менее 33 лет – значит, ко времени смерти ему было по крайней мере 95 лет (согласно легенде, Суслов умер в столетнем возрасте). Такая продолжительность жизни не выглядит правдоподобной, особенно если учесть, что и Даниле Филипповичу тоже приписывается аналогичное долголетие. На мой взгляд, отсылка ко временам царя Алексея и патриарха Никона представляет собой перенос хронологии событий к неким эпическим временам, которые оставили травматический след в коллективном сознании христововеров. Кроме того, такая отсылка сильно напоминает евангельский зачин: «Во дни царя Ирода». Легенда о Суслове для придания хронологической достоверности повествованию упоминает ряд исторических деятелей, которые, впрочем, были у всех на слуху, особенно в старообрядческой среде: патриарх Никон, боярин Морозов. Определенный оттенок достоверности легенде придает упоминание боярина Одоевского, который пытал Суслова. Сложно сказать, который из Одоевских имеется в виду, но можно отметить, что с 28 мая 1673 по 23 марта 1674 года князь Юрий Михайлович Одоевский возглавлял Владимирский судный приказ, а с 20 декабря 1774 по 17 ноября 1776 года приказом заведовал стольник Михаил Иванович Морозов (25 с. 186). Владимирский судный приказ был главной судебной инстанцией в системе судебных приказов Московского государства. Муромская земля относилась как раз к ведению Владимирского приказа, который разбирал как уголовные, так и гражданские дела (25 с. 182). Однако, согласно легенде, гонения на Суслова прекратились в связи с рождением Петра I, которое случилось за год до начала службы Одоевского. Таким образом, легендарная хронология жизни Суслова не выдерживает критики, единственной более-менее достоверной датой остается дата смерти Суслова – около 1720 года.

В хлыстовских преданиях, не вошедших в основную легенду, упоминается о том, что Суслов давал в долг деньги царевне Софье для раздачи стрельцам в период стрелецкого бунта 1682 года. Если иметь в виду, что основная паства Суслова жила в Кудриной слободе, то можно предположить, что Суслов сам в те времена служил в полку Батурина и мог участвовать в стрелецком бунте.

Предание сообщает, что вместе с Сусловым жила некая девица, «называемая дочерью, Богом избранною, и три ее родные брата: Иван Иванович, Феодор Иванович и Семен Иванович – ученики его». На мой взгляд, эти сведения перекликаются с известным сообщением о хлыстах Димитрия Ростовского: «В том ските или толку

обретается некий мужик, его же зовут Христом и яко Христа почитают; а кланяются ему без крестного знамения. Пристанище того христа в селе, зовомом Павлов Перевоз, на реке Оке, за Нижним городом 60 верст. Сказуют же того лжехриста родом быти турченина; а водит с собою девицу краснолицну и зовет ю материю себе, а верующии в него зовут ю богородицею. А девица (паче рещи блядка), та родом русская, из Нижегородского уезду, села Ландюха, посадского человека дочь». Возможно, здесь речь идет о семье Суслова. Но с другой стороны, упоминаемый Димитрием Ростовским «христос» вполне мог быть и Прокопием Лупкиным, который участвовал в Азовском походе против турок, отчего и могло произойти прозвище «турчанин». Известно, что после похода Лупкин вышел в отставку и поселился в Нижнем Новгороде.

Интересно, что в отрывке из следственного дела, которое приводит К.Т. Сергазина (6 с. 113, 7 с. 125–126), говорится не об Иване Тимофеевиче, а об Иване Ивановиче Суслове. Я бы обратил внимание также на тот факт, что от деревни Михалицы, где, по преданию, жил Суслов, до Павлова Перевоза, о котором говорит Димитрий Ростовский, всего около 16 км по прямой, или около пяти часов ходьбы пешком.

Еще одним более-менее достоверным сведением об Иване Суслове надо считать информацию о его захоронении. Суслов был похоронен в московском Ивановском монастыре: «В Ивановском монастыре московский купец Прокофей Лубкин погребен близ паперти на правой стороне, а в каком году погребен, не упомянит, а значит надпись на камне, а Суслов погребен на той же стороне, где Лубкин, и надпись о Суслове значит в трапезной правой стороне наличными с золотым словами, а могилы их обоих выложены кирпичом и по погребении их поминовение по них чинили по Лубкине – сын его иеродиакон Серафим, а по Суслове – Ивановского монастыря старица, бывшая разносчица, Александра Иванова, и на гробы их он, священник Алексей, с товарищами для поминовения ходили два года и службы годовые по ним служили, а потом приказом бывшей духовной дикастерии советника поминовения на них чинить и службы годовой исправлять не велено; и с того времени и поныне поминовения и службы по них не исправляется» (6 с. 112). По указу Синода, тело Суслова было эксгумировано и сожжено (14 с. 324–326).

В истории ранней хлыстовщины имеется еще один фигурант по фамилии Суслов, роль которого не совсем понятна.

В обзоре дел второй следственной комиссии о хлыстах 1745–1757 годов, сделанных Нечаевым, упоминается дело «О сыске ор-

ловского купца Сидора Лазарева, о взятых в его доме купце Федоре Суслове, крестьянине Федоте Иванове, Марине Никитиной, Акулине Ивановой, орловских купеческих дочерях Степаниде, Анисье и Аксинье Квасниковых и о подьячем Алексее Селехове». Из дела известно, что все эти люди в 1747 году были арестованы в Орле, в доме купца Сидора Лазарева, и к 26 марта 1747 года были доставлены в следственную комиссию в Москву. Выяснилось, что «у проживавшего тайно в этом доме Федора Суслова бывали по воскресным и праздничным дням сборища, на которые прихаживали сестры Квасниковы, брат Суслова Сергей Иванов, купеческая дочь Афимья Матвеева; на сборищах этих певали стихи, Суслов читал в книге и, вскакивая с лавки, вертелся кругом». Сестры Квасниковы решительно отвергли свои прежние показания, объяснив, что дали их в беспамятстве, «понеже спрашиваны были с пристрастием», в чем утвердились и в расспросе под плетью» (26 с. 153–154). Покашло следствие, 21 марта 1748 года Федору Суслову удалось сбежать «из-под караула в ручных и ножных кандалах» (27 с. 452), возможно, дав взятку чиновникам. Поскольку следствие не доказало наличие хлыстовских обрядов, а главный обвиняемый сбежал, то в июле 1749 года сестры Квасниковы, Сергей Суслов, Федот Иванов и Акулина Иванова были освобождены из комиссии и отпущены к месту постоянного проживания (26 с. 154).

Главный фигурант этого дела – Федор Суслов – оказался довольно известным лицом в старообрядчестве – основателем т. н. «сусловщины», или «Суслова мнения». Федор Григорьев Суслов был посадским человеком города Орла. Спасаясь от преследований, он вместе с другими старообрядцами переселился сначала в Польшу в 1738 году, а потом перебрался в Стародубские слободы, жил в слободе Зыбкой, а в 1749 году перешел в Злынку. Это был ревностный блюститель старого обряда, отличавшийся обширной начитанностью в старообрядческой литературе. Суслов «открыто ругался над православием, четвероконечный крест называл “щепотничим” и православных детей учил креститься двема перстами», за что подвергался преследованию со стороны Стародубской полковой канцелярии и Черниговской консистории. После побега Федор Суслов нелегально проживал в слободе Зыбкой и принимал активное участие в деле известного старообрядческого лжеепископа Афиногена. После провала аферы Афиногена Суслов стал агитировать за то, чтобы вообще не принимать в сущем сане священников с Украины – как «обливанцев», что, собственно, и является «Сусловым мнением». В конце 1750-х годов Федор Суслов открыто жил в Злынке. Имеется описание внешности Суслова: «Приметами де оной Суслов такой: ростом высок, лицом

долголиц... глаза серые, нос толстоват, волосы русые, редкие, немного сутуловат» (27 с. 453–455).

Вопрос об отношении Федора Суслова к Ивану Тимофеевичу Суслову остается непроясненным, но нет ничего невероятного в том, что Федор Суслов мог находиться в каком-то родстве с хлыстовским «христом», тем более что хлыстовское предание упоминает о том, что вместе с Иваном Сусловым жили какие-то Иван, Федор и Семен Ивановичи. В какой период Федор Суслов (или его предки) стал орловским посадским человеком, неизвестно.

Я бы обратил внимание, что вместе с Федором Сусловым к следствию привлекалась некая Акулина Иванова, жительница Орла, которая, как можно предположить, является одним лицом с Акулиной Ивановной, сыгравшей важную роль в появлении скопчества.

В заключение хотелось бы отметить, что, возможно, выявлены не все источники о жизни Ивана Тимофеевича Суслова. На мой взгляд, было бы перспективно пересмотреть писцовые материалы по Муромскому уезду и Москве, подворные списки района Донского монастыря начала XVIII столетия, материалы Владимирского судного приказа, списки стрелецких полков, в особенности Батуринского полка.

Список литературы/References

1. Чистович И.А. Дело о богопротивных сборищах и действиях // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1887. Кн. 2. С. 2–89. [The records on sacrilegious meetings and actions]
2. Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004. [Moscow *strel'tsy*]
3. Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. Т. 1. 1147–1762. Труды Музея истории и реконструкции Москвы. Вып. 1. М., 1950. [A history of planning and construction words in Moscow]
4. Чусов С.Ю. Район Донского монастыря // Москва. Южный округ. Краеведение. Электронная версия. Метод доступа: <<http://moskva-yug.ucoz.ru/publ/3-1-0-15>>. [Donskoy monastery area]
5. Снегирев В. Московские слободы. Очерки по истории Московского посада XIV–XVIII веков. М., 1956. Электронная версия. Метод доступа: <http://prorossi.ru/?page_id=1848>. [Moscow *slobosy* districts. Essays on the history of Moscow city in 14–18th centuries]
6. Сергазина К.Т. Прокопий Лупкин и Иван Суслов: святые, богохульники, лжехристы, антихристы? // Государство, религия, церковь в России и за

- рубежом. 2017. № 2. С. 105–122. [Prokopii Lupkin and Ivan Suslov: Saints, Blasphemers, Pseudo-Christ, or Antichrists?]
7. *Сергазина К.Т.* «Хождение вокруг»: Ритуальная практика первых общин христоверов. М.; СПб., 2017. [Walking in Circle: Ritual Practices of the First Communities if the Khristovers]
 8. *Клибанов А.И.* История Религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М., 1965. [A History of the sectarian movement in Russia (1860s–1917)]
 9. *Берман А.Г.* Простонародные религиозно-мистические движения в Среднем Поволжье в XVIII–XX вв. Чебоксары, 2008. [Popular religious and mystical movements in Middle Volga region in 18th–20th centuries]
 10. *Добротворский И.* Люди Божьи. Русская секта так называемых духовных христиан. Казань, 1869. [God's People. The Russian sect of the so-called spiritual Christians]
 11. *Мельников П.И.* Тайные секты. Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т. 6. С. 251–299. [Secret sects]
 12. *Айвазов А.* Материалы для исследования русских мистических сект. Вып. 1. Христовщина. Т. 1. Пг., 1915. [Materials for the study of the Russian mystical sects. Vol. I. Khristovshchina]
 13. *Лурье В.М.* Введение в критическую агиографию. СПб., 2009. [An introduction to critical hagiography]
 14. *Снегирев И.М.* Основатели секты «людей Божиих» лжехристы Иван Суслов и Прокопий Лупкин // Православное обозрение. 1862. Июль. [The founders of the sect of “God's People”, pseudo-Christ Ivan Suslov and Prokopii Lukin].
 15. *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. [*Khristovshchina* and *Skoptsys*: Folklore and traditional culture of the Russian mystical sects]
 16. ГИА ЧР. Ф. 193. Оп. 4. Д. 147. Переписка о доставлении сведений о крестьянах, принадлежащих к секте хлыстов, 1858 год. Л. 18–18 об. [The correspondence on the evidences about peasants belonging to the sect of *khlysty*].
 17. *Реутский Н.* Московские божьи люди во второй половине XVIII и в XIX столетии // Русский Вестник. 1882. Май–июнь. С. 5–79. [Moscow God's people in the second half of the eighteenth and in the nineteenth centuries]
 18. *Клибанов А.И.* Некоторые идеологические формы социального протеста русского крестьянства // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 239–250. Электронная версия. Метод доступа: < <http://statehistory.ru/5704/Neotorye-ideologicheskie-formy-sotsialnogo-protesta-russkogo-krestyanstva/> >. [Some ideological forms of social protest of the Russian peasantry]
 19. Арефино. Церковь Входа Господня в Иерусалим // Соборы. ру. Народный каталог православной архитектуры. Метод доступа: <<http://sobory.ru/article/?object=23552>>. [Arefino. The Church of the Entrance of the Lord to Jerusalem]

20. *Арефьева Г.А.* и др. Наша история. Описание церквей и приходов Вачского края XVI–XXI вв. Приложение. Книга четвертая. Вача, 2010. [Our history. Churches and parishes of the Vacha region in the 16th–21st centuries]
21. Арефино. Церковь Троицы Живоначальной // Соборы. ру. Народный каталог православной архитектуры. Метод доступа: <<http://sobory.ru/article/?object=09879>>. [Arefino. The Church of the Life Trinity].
22. Чулково. Церковь Воздвижения Животворящего Креста Господня // Соборы. ру. Народный каталог православной архитектуры. Метод доступа: <<http://sobory.ru/article/?object=22343>>. [Chulkovo. The Church of the Erection of the Lord's Cross]
23. *Ксенофонтов Г.Н.* Деловые люди Козловского района конца XIX – начала XX вв. Чебоксары, 2000. [Business people of the Kozlov region in late 19th – early 20th century]
24. *Борисов В.В.* Мстёрская старообрядческая община Вязниковского уезда // Старообрядчество: История, культура, современность. Материалы VII научной конференции «Старообрядчество: История, культура, современность», посвященной 100-летию издания указа «Об укреплении начал веротерпимости» и 100-летию распечатания алтарей храмов Рогожского кладбища. 22–24 февраля 2005 г. Москва; Боровск. Т. 1. М., 2005. Электронная версия. Метод доступа: <http://www.vomstjore.ru/publ/cerkovnaja_zhizn_mstjory/46-1-0-77>. [Old-Believing community of Mstery, Viaznikov region]
25. *Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI – XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. [The Decrees of the Moscow state in the 16–18th centuries]
26. *Нечаев В.В.* Дела следственных о раскольниках комиссий в XVIII веке // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 6. М., 1889. С. 78–199. [The records of the investigation commissions on schismatic]
27. *Лилеев М.И.* Из истории раскола на Ветке и в Стародубье в XVII–XVIII вв. Вып. 1. Киев, 1895. [From the history of the Schism on Vetka and in Starodub'e, 17–18th centuries].

Сведения об авторе

Андрей Г. Берман, кандидат исторических наук, доцент, Волжский филиал Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ), Москва, Россия; Россия, 428000, г. Чебоксары, пр. Тракторостроителей, д. 101, корп. 30, andber1898@gmail.com

Information about the author

Andrey G. Berman, PhD in History, associate professor, Moscow automobile and road Construction State Technical University, Cheboksary, Russia; bld. 101, Tractorostroiteley av., Cheboksary, 428000, Russia, andber1898@gmail.com